

Исламский форпост в Газе и ближневосточная политика

Алек Эпштейн

Силовой захват власти в Газе исламистским движением ХАМАС можно лишь отчасти охарактеризовать как «военный переворот» (именно так расценили это событие глава Палестинской национальной администрации М. Аббас, президент Египта Х. Мубарак и др.). Действительно, 11–15 июня 2007 г. боевики ХАМАСа силой захватили объекты, принадлежавшие структурам ПНА, и объявили о свержении власти назначенцев Аббаса. «ХАМАС взял свое за четыре дня, грозный ФАТХ оказался пустышкой, власть просто валялась под ногами — и ее подобрали, — не без оснований констатировал российский обозреватель Е. Сандро, находившийся в те дни в Газе. — Вмешиваться уже никто не хотел — на второй день боев даже египтяне, у которых в Газе свое посольство (ныне оно перенесено в Рамаллу. — *А.Э.*) и которые старательно посредничали в заключении очередного прекращения огня, заявили: сделать ничего нельзя» [Сандро 2007]. Однако трудно спорить с израильским леворадикальным публицистом Д. Рубинштейном, утвержда-

ющим, что «ХАМАС попытался захватить силой то, что, по его мнению, принадлежит ему по законному праву» [см.: Эрлангер 2007а]. Напомним, на выборах в законодательный совет ПНА (январь 2006 г.) в 5 избирательных округах сектора Газа были избраны 24 депутата, из которых 15 (62,5%) представляли ХАМАС. Население сектора Газа в большинстве своем поддерживало и поддерживает исламистов, поэтому назвать произошедшее «насильственным захватом власти» едва ли возможно.

Вместе с тем, очевидно, что после событий в Газе «пасьянс» палестино-израильского (и шире — всего арабо-израильского) конфликта кардинально изменился. Если в предыдущие десятилетия главной силой, противостоявшей Израилю, выступал амбициозный феодально-социалистический панарабизм Г. Насера или агрессивный (причем преимущественно светский) палестинский национализм Я. Арафата, то теперь матрица конфликта стала существенно иной. При этом надо признать, что о Насере и Арафате известно довольно много, о тех же,

кто пришел к власти в Газе, мало кто может что-то сказать, кроме общих лозунгов.

Есть основания утверждать, что палестино-израильский конфликт вернулся к состоянию пятнадцати- и даже двадцатилетней давности. Во-первых, до 1993 г. центральные фигуры палестинского движения сопротивления находились за пределами собственно Палестины: тот же Арафат последовательно руководил ФАТХом и Организацией освобождения Палестины (ООП) из Египта, Иордании, Ливана и Туниса. После так называемых «соглашений Осло» большинство руководителей ООП вернулись на Западный берег и в сектор Газа; влияние же тех, кто остался в диаспоре (например, Ф. Каддуми, когда-то считавшегося едва ли не вторым человеком в иерархии ООП), серьезно снизилось. Сейчас ситуация напоминает положение дел до «соглашений Осло». Ведущей фигурой ХАМАСа является Х. Машаль, который уже 40 лет не проживает на территории Палестины. Его путь к нынешнему пристанищу (по информации одних источников, он живет в Дамаске, других — в Тегеране) был весьма извилист и пролегал через Кувейт, Иорданию и Катар. Очевидно, что руководить вооруженной борьбой против Израиля, находясь на расстоянии считанных километров от Иерусалима и Тель-Авива, куда проще, чем из отдаленного Туниса. Однако израильским спецслужбам значительно легче контролировать лиц, находящихся в Рамалле и секторе Газа.

Во-вторых, еще в ноябре 1988 г., на XIX съезде Палестинского национального совета, состоявшемся в Алжире, ООП — до недавнего времени основной фактор палестинской политики и единственный законный представитель арабского населения Палестины — объявила о признании Государства Израиль (впрочем, неясно, в

каких границах). 14 декабря того же года Арафат заявил о безоговорочном принятии в качестве основы для ведения переговоров текстов резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и № 338 — о признании права Израиля на существование и об осуждении террористической деятельности на любой территории. В тот же день тогдашний госсекретарь США Дж. Шульц объявил об официальном открытии диалога между американской стороной и лидерами ООП. Четыре года спустя, в конце 1992 г., переговоры с высшими руководителями ООП начали эмиссары тогдашнего израильского правительства. ФАТХу (основан в 1958 г.) понадобилось 30 лет, чтобы перейти от борьбы за уничтожение Израиля и образование на его месте независимой Палестины к борьбе за создание палестинского государства *рядом* с Израилем. ХАМАС, отмечающий в этом году двадцатилетие своего существования, до сих пор не прошел этот путь, — он по-прежнему отказывает Израилю в праве на существование.

Изменилась и сама ось противостояния: конфликт между Израилем и палестинскими арабами превратился из международного преимущественно в межконфессиональный, то есть в конфликт между приверженцами ислама и всеми остальными. Что бы ни говорили об Арафате, ФАТХе, ООП, их участии в террористической деятельности и т.п., очевидно, что они не воспринимали свою борьбу как часть общемирового джихада против «неверных». К сожалению, по ряду причин [Эпштейн 2004а: 11–67] достичь политического соглашения об окончательном урегулировании конфликта в период доминирования на палестинской арене ФАТХа не удалось. Представляется, что во многом вина за эту неудачу лежит лично на Арафате, который летом 2000 г. в критический момент переговоров не сумел

перестроить свое мышление эпохи войны. Оглядываясь назад, можно утверждать, что период после смерти Арафата (ноябрь 2004 г.) вплоть до выигранных ХАМАС выборов (январь 2006 г.) был наиболее благоприятным для мирного урегулирования, но и эта возможность оказалась упущенной. Прагматичный Аббас (Абу Мазен), который, собственно, и привел Арафата в Осло [см.: Аббас 1996], по общему мнению, искренне стремился к мирному урегулированию и не занимался двойной игрой, что было свойственно его предшественнику. Но вместо того, чтобы вести переговоры либо с Аббасом, сменившим Арафата на посту главы ООП, либо с королем Иордании Абдаллой II (до июня 1967 г. территории Западного берега принадлежали Иордании), израильское руководство взяло курс на «одностороннее размежевание». Никакого размежевания в итоге не произошло. Были лишь усилены позиции ХАМАСа, который, не без оснований, записал себе в заслуги «изгнание сионистских сил» из Газы и Северной Самарии и выиграл под этим лозунгом выборы [Эпштейн 2006а: 11–25].

В отличие от преимущественно светского ФАТХа, ХАМАС — организация религиозная, проповедующая не локальный палестинский национализм, а панисламизм. ХАМАС является частью «Мусульманского братства», международного движения, стремящегося к созданию всемирного исламского государства. Для него Палестина — не более чем маленький уголок «*Дар аль-ислам*» («Дома ислама»), который должен когда-то победить «*Дар аль-кафр*» («Дом неверных») и объединить человечество под своими знаменами. ХАМАСу нужна Палестина, которая охватывала бы все 27 тыс. км² прежних подмандатных Британии территорий, а не 5 тыс. км² Газы и Западного берега, на которые был готов согласиться ФАТХ. ХАМАС

также хочет видеть исламскую Палестину, в которой правил бы шариат, а не законы, подобные западным. При таком подходе все параметры палестино-израильского военного и политического противостояния меняются.

* * *

Несмотря на видную роль нынешнего главы ХАМАСа Х. Машаля в ближневосточной политике, его взгляды практически никем систематически не анализировались. Арафату посвящены десятки книг на разных языках, — о Машале не написано пока ни одной. Хотя он довольно давно присутствует в палестинском движении сопротивления (израильские спецслужбы еще 10 лет назад пытались его убить), ему удается оставаться «серым кардиналом», практически неизвестным обществу. Интервью Машаля стали появляться в прессе лишь в последние годы, особенно после того, как весной 2004 г. силовые структуры Израиля осуществили «точечную ликвидацию» основателя ХАМАСа шейха А. Ясина и его ближайшего сподвижника А. эль-Рантиси (их портреты, кстати, висят в доме Машаля в Дамаске). Как это ни парадоксально, путь Машаля к «трону» первого лица палестинского сопротивления расчистили именно израильтяне.

Халед Машаль родился в крестьянской семье на Западном берегу, который тогда являлся частью Иордании. Спустя полвека он описывал это так: «Я родился в 1956 году в деревне Сильвад, это на Западном берегу, недалеко от Рамаллы. Мы жили там до 1967 года. А потом, как и сотни палестинцев, бежали. Палестинцы рассеяны по всему миру. Я помню мою деревню. Там красиво, растет виноград, инжир. Она стоит на возвышенности, там климат хороший — летом не так жарко, отдыхать хоро-

шо. Жили там в основном крестьяне. И мои родители, и деды тоже все были крестьяне, я горжусь этим. Я скучаю по моим родным местам» [см.: Сандро 2006].

На протяжении многих лет, если не десятилетий, в Израиле доминировала точка зрения, согласно которой мирное урегулирование с палестинцами станет возможным только с уходом «поколения 1948 года». Иными словами, со сцены должны уйти те, для кого ключевым этапом биографии был исход во время первой арабо-израильской войны. Не без оснований считалось, что травма вынужденного исхода — при невозможности возвращения — наложила тяжелейший отпечаток на жизненный путь этих людей. Они стремились и стремятся не столько к урегулированию, сколько к отмщению, а коли так — договориться с ними практически невозможно. Не вступая в дискуссию относительно справедливости этих оценок, отметим, что Машаль принадлежит к другому поколению, но и для него память о травме исхода в одиннадцатилетнем возрасте — ключевой элемент биографии. Всего в ходе войны 1967 г. с территорий Западного берега и Газы бежали 120 тыс. палестинских арабов. По решению израильского правительства от 2 июля 1967 г., им было позволено вернуться в свои дома до 10 августа (впоследствии этот срок был продлен до 13 сентября), но лишь 14 тыс. человек воспользовались этим правом [Morris 1999: 328–329]. Среди тех, кто не вернулся на перешедший под контроль Израиля Западный берег, были и родители Машаля, эмигрировавшие, как и многие палестинцы, в благополучный Кувейт.

Именно в Кувейте в пятнадцатилетнем возрасте Машаль вступил в организацию «Мусульманское братство». В 18 лет он поступил в университет, где изучал физику. В годы учебы Халед стал одним из

лидеров местной палестинской общины и организовал ячейку, которая под исламскими знаменами боролась за лидерство в студенческом союзе. Окончив университет в 1978 г., Халед начал преподавать физику в одной из кувейтских школ. В 1981 г. он женился, сейчас у него семеро детей — четыре сына и три дочери.

С момента основания ХАМАСа в 1987 г. Машаль возглавил кувейтское отделение движения. В 1990 г. после иракского вторжения в Кувейт и массового изгнания оттуда поддержавших С. Хусейна палестинцев он перебрался в Иорданию, где стал главой местного отделения ХАМАСа, а также координировал связи движения с Сирией и Ираном, в том числе сбор средств на нужды исламистов. К «процессу Осло» Машаль, как и едва ли не большинство палестинцев диаспоры, отнесся резко отрицательно. В интервью бейрутской газете «Аль-Хаят» (2003 г.) он рассказал об этом так: «У меня было двойственное чувство. С одной стороны, мне было больно, поскольку я чувствовал, что эта церемония в Белом доме (13 сентября 1993 г. — *А.Э.*), где присутствовали представители многих стран мира, была на самом деле похоронами палестинского дела. Мировое сообщество, влиятельные представители которого стояли на лужайке у президентского офиса мощнейшей из стран мира, отказало палестинцам в праве на 78% принадлежавшей им территории (под 78% Машаль имеет в виду суверенную территорию Государства Израиль в границах «зеленой черты». — *А.Э.*). Более того, даже оставшиеся 22% (территории Западного берега и Газы. — *А.Э.*) не были гарантированы. Мне было грустно. Мы, палестинцы, согласились на невыгодную сделку. Вторым моим чувством было то, что, несмотря на всю торжественность, я был уверен, что все произошедшее —

лишь незначительный эпизод, который не повлияет на палестинское будущее» [см.: Charbel 2003].

Вопрос о том, насколько Машаль контролирует происходящее на Западном берегу и в Газе, не совсем ясен. Хотя он возглавил Политическое бюро ХАМАСа еще в 1996 г., до весны 2004 г. ключевая роль в определении стратегии и тактики организации принадлежала явно не ему. Показательно в этом плане свидетельство корреспондента египетской газеты «Аль-Ахрам» С. Мубайеда о его встрече с Машалем в декабре 2001 г.: «Роль Х. Машаля была чисто политической и ограничивалась деятельностью по поддержанию имиджа организации в Сирии. Во время нашей беседы к нему подошла помощница и шепнула ему на ухо о шахиде, только что взорвавшем себя в Палестине. Было очевидно, что Х. Машаль удивлен этой новостью. Он включил телеканал «Аль-Джазира», пытаясь узнать подробности. Он знал не больше моего о военной операции, несмотря на то, что ХАМАС, к большому удивлению Х. Машаля, взял на себя ответственность за это нападение. Этот инцидент подкрепил мою точку зрения, что Халед Машаль не контролировал в то время боевые операции в Палестине» [Moubayed 2006].

После гибели шейха Ясина и эль-Рантиси Машаль фактически стал главой ХАМАСа, «кукловодом за сценой», более влиятельным, нежели руководители этого движения в ПНА — М. аз-Захар и И. Ханья. С этого момента он все чаще выступает в

средствах массовой информации, излагая свои взгляды, особенно после победы движения на выборах в ПНА в 2006 г. и последовавшего за этим приглашения в Москву.

Отношение Машаля к Израилю весьма противоречиво: он отказывает еврейскому государству в легитимности, но при этом понимает, что существование Израиля — данность, с которой необходимо считаться. По его словам, «существует множество примеров, когда непризнание не означает войны. Китай и Тайвань, к примеру, не признают друг друга, но они торгуют и сотрудничают друг с другом. ...Мы готовы принять статус Израиля, не признавая его» [см.: Rupp 2006]. Более того, в отличие от Арафата, Машаль признает, что в Палестине «многое связано с иудаизмом»* [см.: Сандро 2006]. Иными словами, будучи ярким противником Израиля и отказывая ему в долгосрочной перспективе в праве на существование, Машаль готов де-факто существовать с ним, не отрицая значимости этой земли для иудейской традиции.

Очевидно, что Машаль не является сторонником мирного урегулирования. Вместе с тем реальная власть в секторе Газа сегодня находится в руках возглавляемой им организации. Нравятся израильтянам палестинские лидеры или нет, переплетение судеб двух народов обязывает их взаимодействовать [см. подробнее: Эпштейн 2006б]. Попытка уничтожить Машаля, предпринятая 10 лет назад, оказалась неудачной, а успешные операции израильтян по уничтожению шейха Ясина и

* Данная фраза прозвучала в следующем контексте: «Палестина — центр арабского исламского мира, там много исламских святынь. Но это центр и всей мировой цивилизации: там находятся многие христианские святыни, в том числе и православные. Многое связано с иудаизмом. Арабы-мусульмане всегда жили в мире с христианами, и арабы-христиане так же привержены палестинскому делу, как и арабы-мусульмане» [см.: Сандро 2006]. — *Прим. авт.*

эль-Рантиси не привели к исчезновению или ослаблению руководимого ими движения. Силовой вариант явно доказал свою бесперспективность: после всех ликвидаций и спецопераций власть в Газе захватил именно ХАМАС.

Вопрос о том, насколько возможен и перспективен политический процесс с участием ХАМАСа, остается открытым. Среди израильских экспертов в области безопасности, западных дипломатов и журналистов уже давно ведутся дискуссии о новых подходах в отношениях с этим движением. Как отмечает, например, обозреватель М. Хеллер, «следствием желая ХАМАС укрепить собственную власть в Газе может стать более сдержанная позиция в отношении Израиля» [Хеллер 2007]. Трудно сказать, так ли это, но, возможно, события будут развиваться именно по такому сценарию. Немецкая корреспондентка И. Гюнтер справедливо утверждает, что чисто технически избежать контактов с представителями режима ХАМАСу не удастся. «Прагматичная политика, ориентированная на потребности населения сектора Газа, скорее укрепит позиции прагматиков, а не радикалов. Картина в черно-белом цвете не поможет. Тот, кто хочет нащупать новые возможности для действий, должен принимать во внимание все оттенки серого...» [Гюнтер 2007].

Китайско-тайваньская модель применительно к Израилю и сектору Газа может оказаться не такой уж плохой, при условии, что исламистская экспансия в Палестине ограничится территорией Газы. Очевидно при этом, что превращение сектора Газа в радикальное исламистское государство, чей *modus vivendi* — вооруженная борьба (причем не только с Израилем, но и с ценностями модернизации как таковыми), таит опасность для всего региона. «Газа находится от нас на расстоянии броска камня,

и все, что там сейчас происходит, угрожает нам», — заявил, в частности, министр иностранных дел Египта Ахмед Абуль Гейт. Нынешнее руководство Египта во главе с Х. Мубараком ведет сложную борьбу против исламистов, поэтому захват власти ХАМАС в секторе Газа (кроме Израиля, Газа граничит только с Египтом) не может его не беспокоить. Неслучайно именно в Каире уже 15–16 июня 2007 г. состоялось совещание министров иностранных дел стран-членов Лиги арабских государств, на котором было принято решение о непризнании действий ХАМАСа и полной поддержке «палестинской законности, воплощаемой президентом М. Аббасом» [Косач 2007а].

Вместе с тем для Египта с населением 77 млн. человек и площадью 1 001 450 км², более чем в 2 700 раз превосходящей площадь сектора Газа, исламистская угроза, исходящая от палестинцев, не так уж страшна — силы слишком не равны. Главная опасность, на наш взгляд, кроется в возможной попытке ХАМАСа провести новый блицкриг на Западном берегу. О том, что движение стремится именно к этому, заявил 20 июня 2007 г. министр иностранных дел в правительстве И. Хании М. аз-Захар: «Мы [ХАМАС] намерены покончить с правлением шпионов и коллаборационистов из ФАТХа» [см.: Эрлангер 2007б]. «На Западном берегу мы будем использовать бомбы и заминированные автомобили, — пообещал он, — а также все средства, которые мы использовали ранее в борьбе против Израиля» [ХАМАС обещает взорвать Западный берег Иордана 2007]. Если этот сценарий осуществится, рухнет вся система региональных сдержек и противовесов: исламский анклав на Западном берегу — Хамасстан — будет нести смертельную угрозу как Израилю, так и правлению Хашимитской династии в Иордании.

* * *

С социально-экономической и демографической точек зрения сектор Газа и Западный берег разительно отличаются друг от друга. Точных демографических данных о палестинском населении этих территорий нет. По данным администрации США [World Factbook 2007], плотность населения в Газе составляет 4 117 чел./км² (1 млн. 482 тыс. человек на площади 360 км²), что в 9,5 раз превосходит плотность арабского населения на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим (433 чел./км²; 2 млн. 536 тыс. человек на площади 5 860 км²)*. Уровень рождаемости на Западном берегу — 4,17 ребенка на одну женщину, в Газе — 5,64 ребенка на одну женщину (для сравнения: среднеизраильский показатель — 2,54, среднеиорданский — 2,71). В пересчете на 100 тыс. человек в Газе ежегодно рождается чуть больше детей (3 890), чем в Израиле и Иордании вместе взятых (3 840, из них 1 771 — в Израиле, 2 069 — в Иордании). В Газе, во многом благодаря усилиям ООН, довольно высокие показатели продолжительности жизни (в среднем 72 года — против 73 лет на Западном берегу и 79 лет в Израиле) и темпы ежегодного прироста населения (3,66% против 2,98% на Западном берегу и 1,15% — в Израиле). На Западном берегу проживают приблизительно 190 тыс. христиан, которые составляют около 10% арабского населения этих территорий. В Газе доля

христиан не достигает и 1%. Годовой доход на душу населения в Газе — всего 600 долл., что почти вдвое меньше, чем на Западном берегу (1 100 долл.), в 8 раз меньше, чем в Иордании (4 800 долл.), и в 37 раз меньше, чем в Израиле (22 200 долл.). Поэтому считается, что 81% жителей сектора находятся за чертой бедности (против 46% на Западном берегу и 30% — в Иордании).

Эти территории отличаются и с историко-политической точки зрения. До 1967 г. Западный берег входил в состав Иордании, и большинство его жителей имели иорданское гражданство (в лагерях беженцев в 1967 г. находились лишь около 10% жителей). Сектор Газа контролировался (хотя и не был аннексирован) Египтом, и его жители не имели никакого гражданства (к моменту начала Шестидневной войны в лагерях беженцев находились 170 тыс. из 350 тыс. населения сектора) [Эпштейн 2005: 129]. Вплоть до оккупации этих районов израильской армией в 1967 г. между ними не было практически никаких связей. В Газе занятия в школах велись по египетским учебникам, на Западном берегу — по иорданским. В то время как Египет не уделял никакого внимания развитию сектора Газа, король Иордании Хусейн прикладывал большие усилия для совершенствования экономической инфраструктуры Западного берега. Проживавшие на Западном берегу палестинцы находились всего в получасе езды от иорданской столицы Аммана

* Эти данные оспариваются и, вероятно, не без оснований. Б. Циммерман и его коллеги оценивают численность арабского населения Газы в 1 млн. 70 тыс., а Западного берега (включая Восточный Иерусалим) — в 1 млн. 630 человек [Zimmerman et al. 2006: 61–78]. Но, несмотря на разницу в абсолютных цифрах, соотношение данных о плотности населения оказывается примерно таким же — 2 972 чел./км² в Газе и 278 чел./км² на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим. Согласно этим цифрам, плотность населения в Газе в 10,5 раз превосходит плотность арабского населения Западного берега. — *Прим. авт.*

и поддерживали контакты с остальным арабским миром, тогда как население Газы отделяли от столицы Египта 450 км пустыни. Сегодня беженцы составляют 27% населения Западного берега и 67% населения Газы. Если в 1997 г. более 40% жителей Газы находились за чертой бедности (на Западном берегу 11%), то сейчас — более 80% [см.: Нюсе 2007]. Не будем забывать и о том, что из Газы все еврейские поселенцы были эвакуированы в 2005 г., тогда как на Западном берегу продолжают жить более четверти миллиона евреев (не включая жителей новых еврейских районов Восточного Иерусалима), причем их численность неуклонно растет.

Столь кардинальные различия двух территорий могут послужить препятствиями на пути второго этапа исламского блицкрига. Вместе с тем, очевидно, что каковы бы ни были объемы иностранной финансовой помощи, которую планируется оказать администрации Аббаса (речь идет о сотнях миллионов долларов) [см.: Реутов 2007], сплоченным, обученным и дисциплинированным боевикам ХАМАСа должны противостоять не только деморализованные остатки палестинских силовых структур. Как уже отмечалось нами* в завершающей части монографии «Почему провалилась “Дорожная карта”?», необходимо «привлечь Иорданию к процессу палестино-израильского “размежевания”, со всей серьезностью рассмотрев вопрос о возможности создания иордано-палестинской федерации

в обозримом будущем». На наш взгляд, «без участия Иордании нынешний глава ООП М. Аббас не имеет реальных шансов добиться успеха в своем противостоянии с исламистами, в то время как такое противостояние может и должно стать важнейшим цементирующим фактором строительства новой модели региональной безопасности» [Эпштейн 2006в: 98].

Показательно, что даже лидер правой оппозиции Израиля, председатель партии «Ликуд» Б. Нетаньяху, воспитанный на идеологии: «Два берега у Иордана, этот [Западный] — наш [израильский], и тот [Восточный] — тоже»**, сегодня выступает за усиление роли Иордании в регионе. В беседе с израильскими журналистами в Вашингтоне 21 июня 2007 г. Нетаньяху предложил ввести крупные части иорданской армии на Западный берег для восстановления и поддержания там порядка («Полагаться на Абу-Мазена нельзя — ему нужна поддержка извне» [Нетаньяху за ввод иорданской армии в Иудею и Самарию 2007а]). В интервью «CNN» Нетаньяху заявил, что «палестинскую проблему необходимо решать в региональном масштабе. Для этого потребуются вмешательство Египта в секторе Газы, и помощь Иордании на Западном берегу». По его словам, «палестинское общество бездействует. С одной стороны, там заправляют исламские экстремисты при поддержке Ирана, а, с другой стороны, есть умеренная власть, но она очень слаба. ...Сейчас необходимо

* Наш прогноз относительно превращения Газы и Западного берега после смерти Арафата в «два обособленных анклава, в каждом из которых будет править свое политическое руководство» [Эпштейн 2004б: 8], оправдался в полной мере, равно как и предсказание победы исламистов в ходе демократических выборов в ПНА. — *Прим. авт.*

** Строка из гимна движения «Бейтар», написанного В. Жаботинским. Имя Жаботинского носит главное здание партии «Ликуд», которую и возглавляет Б. Нетаньяху. — *Прим. авт.*

изолировать ХАМАС и укрепить умеренные силы с помощью соседних государств. ...Умеренные арабские страны уже могут сказать открыто, что экстремистский ислам является нашим общим врагом» [Нетаньяху призывает на помощь Египет и Иорданию 2007б].

17 июня 2007 г. Аббас сформировал новое правительство во главе с С. Фаядом. Кабинет состоит из 13 человек, из которых ни один не представляет ХАМАС. Тем не менее способность политического деятеля, которого менее чем полтора года назад на всеобщих выборах поддержали лишь 2,4% избирателей*, успешно противостоять исламистам вызывает серьезные сомнения. Израильский корреспондент российской газеты «Коммерсант» Г. Асмолов очень точно назвал кабинет Фаяда «правительством национального разединения» [Асмолов 2007]. При этом, как справедливо отмечает И. Гюнтер, «в ФАТХленде тоже живут не ангелы. Здесь хозяйничают воинственные «Бригады мучеников Аль-Аксы», которые связаны с ФАТХом, но не слишком высоко ставят М. Аббаса. В таких городах, как Шхем или Дженин, также не стоит недооценивать влияние ХАМАС» [Гюнтер 2007].

Очевидно, пришло время пересмотреть отношение к идее независимой палестинской государственности. План «мирного сосуществования двух государств для двух народов» (израильтян и палестинцев), выдвинутый президентом США Дж. Бушем 24 июня 2002 г., оказался бесперспективным. Радикальное исламистское палестинское государство, в случае его создания, явно не будет сосуществовать в мире не только с Израилем, но и с другими государствами

региона. Поэтому надо переформатировать систему израильско-палестинских отношений из билатеральной в общерегиональную, в которой эти отношения будут рассматриваться как часть комплексного механизма обеспечения региональной стабильности и безопасности. В связи с этим Израиль должен быть готов на далеко идущие шаги, которые позволят Иордании вернуться к традиционной для нее ведущей роли в палестинском вопросе.

Объединение палестинских арабов Западного и Восточного берегов Иордана в рамках единого государства Трансиордания предусматривалось еще рекомендациями британской Королевской комиссии во главе с лордом Э. Пилем (1937 г.). В 1949–1967 гг. весь Западный берег был частью Иорданского Хашимитского королевства. Затем на протяжении 21 года король Иордании Хусейн боролся за его возвращение под свою юрисдикцию. Соглашение между ним и тогдашним министром иностранных дел Израйля Ш. Пересом от 11 апреля 1987 г. предусматривало, в частности, обсуждение палестинского вопроса на встрече представителей иорданской, палестинской и израильской сторон (с включением палестинцев в иордано-палестинскую делегацию) [речь идет о статьях 3.3 и 3.4 так называемого «Лондонского соглашения», которое не было реализовано; см.: Sicherman 1993: 162]. 7 августа 1988 г., через восемь месяцев после начала интифады, король Хусейн официально отказался от этих территорий в пользу ООП, но даже после этого «иорданский вариант» оставался на повестке дня. Так, в декабре 1991 г. палестинская группа участвовала в Мадридской

* С. Фаяд возглавлял список объединения «Третий путь», которое выступало за мирное урегулирование с Израилем при условии отступления последнего к «зеленой черте». — *Прим. авт.*

мирной конференции в составе единой иордано-палестинской делегации, которую возглавлял премьер-министр Иордании А. аль-Маджали.

Готовность лидера правой оппозиции Израиля согласиться на размещение иорданских войск на Западном берегу позволяет рассчитывать, что в этот раз раскола израильского общества (как это было в 1993–1995 гг. во время «процесса Осло», а также летом 2005 г. в преддверие и в ходе так называемого «размежевания») удастся избежать. Хочется надеяться, что подобный компромисс окажется приемлемым и для окружения Аббаса. Исторический прецедент найти нетрудно: бывший мэр Иерусалима Р. Нашашби, спасаясь от экстремистского окружения иерусалимского муфтия Х. эль-Хусейни, присягнул на верность королю Иордании Абдалле и стал после войны 1948 г. генерал-губернатором Западного берега, членом иорданского правительства и ответственным за святые места в Иерусалиме. На наш взгляд, поиск подходящих должностей в иорданском кабинете для Аббаса и Фаяда также вряд ли будет сложным делом. Опираясь на поддержку короля Абдаллы II и его войска, размещенные на Западном берегу, умеренные палестинские лидеры смогут оградить свой народ от навязываемой ХАМАС радикальной исламизации. А ближневосточный регион в этом случае не будет ввергнут в пучину новой войны.

* * *

Как показывает история ближневосточного региона, мирное урегулирование и поддержание мира осуществимы только при наличии четкой пограничной черты между противоборствующими сторонами. Какие бы события ни происходили в регионе с 1979 г. (две ливано-израильских

войны, две волны палестинской интифады, две войны в Персидском заливе и т.д.), мирный договор между Израилем и Египтом по-прежнему остается в силе. То же можно сказать и о мирном договоре между Израилем и Иорданией, официально заключенном в 1994 г.

В ситуации палестино-израильского конфликта провести границу между арабским и еврейским населением на подконтрольных Израилю территориях не представляется возможным. Сегодня на Западном берегу, как уже отмечалось, проживает четверть миллиона еврейских поселенцев, в Восточном Иерусалиме — еще примерно столько же, а на суверенной территории Государства Израиль в пределах «зеленой черты» насчитывается более миллиона с четвертью арабов. Даже если удастся провести такую разделительную черту (например, с помощью карт, разработанных в рамках «Женевской инициативы» в 2003 г. [см.: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта 2004: 115–148], или же путем обмена территориями, по А. Либерману), фундаментальная проблема решена не будет. Дело в том, что национальные идеи израильтян и палестинских арабов настолько схожи между собой, что их разделение невозможно в принципе.

Во-первых, общей и центральной для обоих народов является идея возвращения, причем на одну и ту же территорию. Речь идет как о палестинских беженцах 1948 и 1967 гг. и их потомках, так и о потомках евреев, вынужденно скитавшихся по планете на протяжении двух последних тысячелетий. Неслучайно одним из первых правовых актов, принятых суверенным Государством Израиль в противовес ограничениям периода британского мандата, был закон о возвращении.

В то же время именно дискуссии о «праве на возвращение» палестинцев диаспоры во многом предопределили крах палестино-израильских переговоров второй половины 2000 – начала 2001 гг. [Эпштейн 2005: 13–15]. Реализовать в полной мере идею возвращения — и для палестинских арабов, и для евреев — на одной и той же весьма небольшой территории невозможно. К тому же в Израиле нет практически никого (включая левых радикалов), кто был бы готов признать «право на возвращение» палестинцев диаспоры.

Во-вторых, еще одной общей ценностью для израильтян и палестинских арабов является Иерусалим. По данным социологических опросов, проведенных несколько лет назад, абсолютное большинство респондентов, как евреев, так и палестинских арабов с Западного берега и из сектора Газа, ставят проблему Иерусалима на первое место по степени сложности среди проблем, подлежащих решению в рамках переговоров [Эпштейн, Меламедов 2004: 142–153]. Хотя святыни Старого города имеют для евреев и палестинских арабов разную ценность, контроль над ними хотят установить обе стороны. Но для того, чтобы Западная Стена осталась у Израиля, а мечеть Эль-Акса отошла к палестинцам, пришлось бы разделить надвое небольшой холм, называемый Храмовой горой, и передать каждую из частей под суверенитет другого государства! Очевидно,

что и в этом вопросе сценарии достижения компромисса, приемлемого для обеих сторон, не просматриваются.

Создание Хамасстана в Газе можно считать завершающим аккордом пятнадцатилетнего «эксперимента Осло», в рамках которого палестинская проблема рассматривалась вне контекста израильско-иорданских отношений. Противодействовать победной поступи исламистов на Западном берегу, на наш взгляд, могут только две силы — Израиль и Иордания (при поддержке Саудовской Аравии*). Иордания готова принять и абсорбировать палестинских беженцев и их потомков, а также установить контроль над святыми местами в Иерусалиме. Беспрецедентные успехи ХАМАСа последних двух лет — вот та реальная угроза, перед лицом которой две страны могут и должны найти нестандартные решения, позволяющие выжить им обеим.

Движение в направлении израильско-иорданского соглашения, предусматривающего разрешение палестинского вопроса в рамках Хашимитского королевства, будет означать исправление грандиозной ошибки, допущенной «архитекторами Осло» 15 лет назад. Вследствие этой ошибки под угрозу были поставлены базовые устои стабильности и безопасности региона. Дальнейшее расшатывание этих устоев может иметь катастрофические последствия и для Израиля, и для Иордании, и для Ближнего Востока в целом.

* Захват власти в Газе ХАМАСом был негативно воспринят в Саудовской Аравии, «усилия которой по примирению ХАМАСа и ФАТХа, имевшие кратковременный успех, в итоге произвели нулевой эффект» [Месамед 2007]. По оценкам саудовских экспертов, с образованием квазигосударств в Газе и на Западном берегу, мечта о создании палестинской государственности исчезла для целого поколения палестинцев [«Al-Sharq Al-Awsat» 16.06.2007]. Организация Исламская Конференция, находящаяся под влиянием Саудовской Аравии, также безоговорочно осудила действия ХАМАСа, назвав их «преступными» [Косач 2007б]. — *Прим. авт.*

примечания

Аббас (Абу-Мазен)

М. 1996. Путь в Осло. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Асмолов Г. 2007. Правительство национального разьединения // «Коммерсантъ», 18.06.

Гюнтер И. 2007. Палестина и оттенки серого // «Frankfurter Rundschau» (Германия), 19.06.

Косач Г.Г. 2007а. Палестинцы: Шарм-аш-Шейх и взаимные обвинения: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

Косач Г.Г. 2007б. Новая реальность и новый дискурс: палестинские события и арабский мир: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

Месамед В.И. 2007. Иран и последние события в Газе: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

Нетаньяху за ввод иорданской армии в Иудею и Самарию. 2007а // Информационное агентство «Седьмой канал», 21.06.

Нетаньяху призывает на помощь Египет и Иорданию. 2007б // Информационное агентство «Седьмой канал», 21.06.

Нюсе А. 2007. Жизнь в двух мирах // «Der Tagesspiegel» (Германия), 15.06.

Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе. 2004 / Под ред. А.Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Реутов А. 2007. На Западный берег Иордана хлынут финансовые потоки // «Коммерсантъ», 19.06.

Сандро Е. 2006. Халед Машаль: «Я читал Достоевского» (интервью) // «Профиль», № 8, 06.03.

Сандро Е. 2007. Смерть в Газе // «Московские новости», 22.06.

ХАМАС обещает взорвать Западный берег Иордана. 2007 // Информационное агентство «Курсор», 23.06.

Хеллер М. 2007. Что если атака ХАМАСа — шанс для Израиля? // «La Repubblica» (Италия), 19.06.

Эпштейн А. 2004а. Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии / Под ред. А. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Эпштейн А. 2004б. Что ждет Палестинскую администрацию? Израиль и наследники Я. Арафата // «Еврейские новости» (Москва), 18.11.

Эпштейн А. 2005. Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика. М.: Институт Ближнего Востока.

Эпштейн А. 2006а. Еще одна исламская революция: Израиль, «Государство Хамасстан» и ближневосточная политика США и России // «Космополис», № 1(15).

Эпштейн А. 2006б. Диалог с ХАМАСом воскресит мирный процесс? // «Независимая газета», 21.02.

Эпштейн А. 2006в. Почему провалилась «Дорожная карта»? М.: Институт Ближнего Востока.

Эпштейн А., Меламедов Г. 2004. Израильтяне и палестинцы о проблеме Иерусалима // «Космополис», № 3(9).

Эрлангер С. 2007а. ХАМАС захватывает всю полноту власти в секторе Газа // «The New York Times», 14.06.

Эрлангер С. 2007б. Лидер ХАМАСа предупреждает об опасностях для ФАТХа // «The New York Times», 21.06.

«Al-Sharq Al-Awsat» (Лондон), 2007, 16.06 (на араб. яз.).

Повестка дня

примечания

Charbel G. 2003. The Khaled Mishaal Interview // «Al-Hayat» (Бейрут), 31.12.

Morris B. 1999. Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–1999. N.Y.: Alfred Knopf.

Moubayed S. 2006. Unre-

lenting Stalemate // «Al-Ahram» (Египет), 06–12.07.

Rupp R. 2006. Wir Wollen Frieden // «Junge Welt» (Берлин), 16.12.

Sicherman H. 1993. Palestinian Autonomy, Self-Government, and Peace. The Washing-

ton Institute for Near East Policy. World Factbook. 2007. Central Intelligence Agency (USA).

Zimmerman B., Seid R., Wise M. 2006. Voodoo Demographics // «Azure. Ideas for the Jewish Nation» (Иерусалим), № 25.